

Подкопаева (Лобанова) Лидия Михайловна

Судьба семьи Лобановых

Томск, 2018

Подкопаева Лидия Михайловна.

Судьба семьи Лобановых. – Томск: 2018 – 54 с.

Книга основана на воспоминаниях Подкопаевой Лидии Михайловны о тяжелых временах ее семьи: раскулачивании, ссылке в Нарымский край, тяжелейших условий жизни. Но все это не сломило ее дух, а укрепило в вере, что мир не без добрых людей. Лидия Михайловна всю жизнь посвятила своим детям, внукам, а также своим ученикам, проработав учителем, завучем школы и репетитором русского языка.

Оглавление

1. Кыштовка	4
2. Раскулачивание	10
3. Нарым	14
4. Свобода!.....	20
5. Учеба в Томске.....	22
6. Яшкино.....	26
7. Мамочка	29
8. Моя семья.....	33
Приложение.....	36

1. Кыштовка

Мне было 5 лет, когда в нашей семье одна беда сменялось другой. А мне было даже интересно, что к нам один за другим приходили «гости» описывать все имущество и удивлялись как много у нас всего драгоценного.

Отчетливо помню наш дворик, выметенный так, что в нем всегда можно было найти даже потерянную иголку. По правую и левую сторону двора были расположены постройки.

Зайдешь в красивые огромные ворота или в расписную калитку и увидишь справа пятистенный дом с огромным крыльцом и тремя просторными комнатами. Мне почему-то запомнились в нем небольшие окна, уставленные огненно-красными цветами. Очевидно, что это была герань. А посередине круглого стола, покрытого розовой шелковой скатертью с кистями. На красивом золотистом подносе круглой формы свежо выделялся осыпанный белыми цветами небольшой кустик. С тех пор я такого цветка нигде и никогда не видела.

Справа стоял высокий буфет с красивыми витиеватыми вазами розового и голубого цвета. В одной из них, розовой, всегда красовался чак-чак, к которому никто из четверых детей не смел подходить. Это было, как внушали нам, гостевое лакомство, но мы с братом Минькой (Мишей) тайно все-таки от этого манящего к себе лакомства отрывали по одному два орешка. Конечно, проказничал он, а мне доставалось угощение за молчание.

Но бабоньку Дарью провести было невозможно. Доставалось, конечно, Миньке. Бабонька ловко драла его за уши. Но это вскоре забывалось.

В дальней комнате я, по-моему, никогда не была. Раньше там жила старшая сестра Валя с мужем Николаем, но я их почти не помню. На фотографии видно, что мы с ней похожи. Валя работала учителем в соседнем селе, поэтому они впоследствии переехали туда жить.

Третья комната была спальней мамы с папой. В нее мы тоже почти не заходили, и я помню только железную кровать с медными шариками.

Кажется, пришло время описать кухню. Она была расположена в отдельном доме напротив гостиницы. Вот ее-то я помню прекрасно. Это огромная площадь с русской печкой, покрашенной темно-красной масляной краской. А перед кухней широкие сени с огромным ларем впереди. Этот ларь был разделен пополам. В нем хранились мука, крупа и мясные изделия.

Пожалуй, все мое детство прошло на печке, где я любила прижаться к бабоньке, а она своей ласковой морщинистой рукой гладила мне голову и рассказывала сказки, которые воспитывали в нас любовь к людям и желание трудиться.

Рядом с печкой возвышались полати, на которых было полно тулупов. На них мы и спали, ими и укрывались. Считалось, что овчина спасает от всех недугов. И это, наверное, так и есть, потому что я не помню, чтобы кто-то из нас болел. На этих полатах мы играли в куклы, сшитые бабонькой. Других игрушек я и не помню. Знаю только, что недалеко от кухонного крыльца была сооружена двухэтажная полка, на которой было множество стеколок от разбитой посуды, служивших нам «чайными сервизами».

Раз меня надолго поставили в угол, так как я специально разбила самую красивую чашечку и отнесла на свою полочку. Делала тайно, а все получилось явно.

Однако продолжу описывать кухню. Одно окно в ней выходило на улицу, а другое во двор, так как дети должны всегда быть в поле зрения. Дедонька увидит наши проказы и накроет метлой. Не дай Бог нарушить его порядок. Вдоль двора со стороны кухни тянулись амбары. Один – с мукой, крупой, медом, вареньем. Другой – с хозяйственной утварью. А перпендикулярно к ним был хозяйственный двор, покрытый тесовой крышей. Там громоздились сеялка, веялка, борона и роскошная карета, в которую по праздникам впрягали Воронка и катали ребятишек по «Лобановской» улице. Ее в народе называли так, потому что вдоль его тянулись дома двух папиных братьев – Александра и Петра и других родственников.

Судьба этих братьев может быть вполне прототипом Шолоховского «Тихого Дона». Александр служил у белых (царское войско) и был во время гражданской войны расстрелян красными. А Петр перешел на сторону красных и был расстрелян белыми. У него осталась дочь Файя, которую взяли в нашу семью. Но она приживалась трудно и до последних лет жизни ненавидела Лобановых. Когда ей исполнилось 16 лет, она сбежала и укатила в Новосибирск, но там никто из родственников ее не принял. Она скиталась по деревням, стала воровать и была осуждена. А когда освободилась, то затаила зло на всех родственников. Не покорились, работала на разных черных работах, вышла замуж, родила сына, и они переехали в Томск. Муж вскоре умер, а она потеряла рассудок, и воспитывать сына не

смогла. Скиталась по вокзалам и всюду клеветала на родню. Ее народ жалел и подавал милостыню. Прожила она долгую жизнь и умерла в 2005 году, так и не приняв нашу помощь. Однажды она пришла ко мне, осмотрела все углы и вымолвила: "Как были Вы кулаки, такими и остались!». И больше не появлялась, а по вокзалам продолжала нести всякую чушь. Бог с ней.

Так вот, улица Лобановская тянулась по берегу реки Тары. Я недавно только узнала, что вода в ней целебная, так как она берет начало из целебных источников. Село наше – Кыштовка – тянулось вдоль ее берега. На самом берегу была расположена, как ее называли, конюшня, там же и коровник, и курятник, и свинарник.

Улица Лобановская, позднее переименованная в Краснопартизанскую, является одной из старейших улиц Кыштовки. В 1888 году она впервые обозначена на карте, которая была создана В. Шубиным. Улица тянулась вдоль реки Тары, и на ней проживало 9 семей Лобановых, отсюда возможно и произошло старое название улицы.

По документам, которые были составлены при раскулачивании, у нас было лошадей – 4, молодняка – 2, коров – 5, телят – 2, свиней – 4, кур – 30, гусей – 10. Всех животных сразу описали и увели в коллективное хозяйство. Добровольно папа в колхоз входить отказался. За всеми животными ухаживал рабочий. Это был молодой парень, сирота. Жил у нас как сын. Как он плакал, когда нас раскулачивали! Потом часто навещал, когда мы уже были выдворены из своего дома. Раньше коней было еще

больше. Так как папа, Михаил Ермилович, вместе с дедушкой, Ермилой Яковлевичем, занимались извозом. Они возили почту и свои продукты сельского хозяйства на продажу.

В доме же хозяйство вела бабонька (Дарья Касьяновна) с мамой (Анисьей Николаевной). Мама вышла замуж в 17 лет, уже закончив гимназию. Эта веселая, жизнерадостная женщина была мастером на все руки. Чудесный кулинар, прекрасная портниха и просто умная женщина. Бабонька, ее свекровь, очень любила маму, а мы в бабоньке души не чаяли. Любили, когда она важная, одетая в длинную в сборку шерстяную юбку, а обтянутый по талии жакет и в длинный гипюровый шарф, шла из церкви с корзиночкой в руках. Мы знали, что это она несет нам гостинцы от «боженьки», как говорила она. Без нее никто завтракать не садился. А стол был огромный, стоял около окна на кухне. За ним помещалось 17 человек: бабонька, дедонька, мама, папа, старшая сестра Валя с мужем Колей, Зоя, Галля (мои сестры), Минька (Миша), Файя, тетя Надя с мужем, Володя (приемный сын), я, конюх Петро, две помощницы по кухне и птичница. Первое место у самовара занимала бабонька. За столом царил полный порядок, иначе дедонька воздаст по заслугам ложкой по голове. Его мы все боялись пуще огня. Дедоньку однажды лягнула лошадь, и он вскоре умер. Умер и мамин папа Николай, который жил в городе Спасске Кыштовского района. Его хоронить поехали папа с мамой в карете, запряженной в резвого Воронка. Был лютый мороз, а мама только что родила еще одну дочь – Ниночку. Она ее прижала к груди под тулуп и она, бедная, в дороге задохнулась. Хоронили сразу двоих в один день.

Конечно, семья жила мирно. Трудились все до изнеможения. Я помню как летом, во время страды, папа приезжал с заимки (так называли домик среди хлебных полей) и вся его рубашка на спине была покрыта солью.

В доме гостином была столовая для работников райисполкома (районная власть). Молоденькие Валя и Зоя в белых фартучках накрывали им на стол, помогая маме. Готовили мама с бабонькой. Это были искусные повара и отличные домохозяйки. Мама отличалась еще веселым нравом, была общительная и рачительная хозяйка. Без дела никогда не сидела.

Зимой папа содержал магазин. Он принимал у остяков пушнину, торговал и сдавал государству, то есть с умом вжился в период НЭПа. Золотишко, конечно, водилось. Тем более что папин дедушка, Яков Ермилович, родом из Якутии и работал на золотом прииске. На 95-ом году жизни моя сестра Зоя рассказала мне, что перед раскулачиванием мама с папой все золото сложили в ящик и увезли на заимку. Там его и закопали неизвестно где. Это была их тайна. Возможно кто и нашел его, но кто теперь знает.

2. Раскулачивание

Шел 1930 год. Папочка, конечно, знал, что его постигнет раскулачивание, но и не верил этому до конца. Как расстаться с тем, что нажито непомерным трудом, потом и кровью! А зря!

Я хорошо помню тот злополучный вечер, когда вся семья сидела на кухне стряпала пельмени. Была темная зимняя ночь. В ворота постучали. Папа с мамой побледнели, у бабоньки на пол выпал ножик, а ребяташки присмирели. Видно только мне одной была непонятна такая тревога. На кухню, в сопровождении Володи, зашли трое. Я хорошо помню мужчину в кожаной куртке и двух молодых женщин с красными косынками на груди. У папы потекли слезы. «Ну, детки, прощайте» - сказал он. Человек в куртке что-то громко крикнул, папа надел пальто. Мы все притихли. А когда папа поцеловал меня, все заревели следом за мамой и бабонькой. Меня с Галей и Минькой быстро отправили на полаты, а что было потом я уже не помню. Папу мы больше не видели.

Лобанов Михаил Ермилович

Родился в 1884 г., с. Кыштовка Кыштовского р-на Барабинского окр.; русский; крестьянин; б/п. Арестован 25 марта 1930г, 19 июня 1930г тройкой ПП ОГПУ Сибкрая обвинен в к.р.агитации, а/с деятельности, ст.58-10б11 УК РСФСР; приговор – ВМН; расстрелян 11 ноября 1930г; реабилитирован 15 июня 1989г.

(Книга памяти Новосибирской обл.,- т.4)

Однажды приехал от Вали посыльный и просил маму срочно приехать к ней. Оказывается, папа сбежал из тюрьмы и заехал к Вале, чтобы помыться в бане ночью, а утром уехать в Новосибирск. Но очевидно кто-то его заметил и дал знать милиции. Доносителей в то время было много. Им за это полагался какой-то куш. Ночью в дверь постучали и папу забрали и отвезли обратно в Кинскую тюрьму. Ныне это город Куйбышев в Новосибирской области. Но не довезли, а расстреляли по дороге. Видимо и здесь боялись папиного бегства. Но мама его еще застала и увидела в последний раз.

*Я славлю мать свою!
С тремя детьми в той страшной жизни
Она сумела выжить, нас поднять,
И одиночество, от нас скрывая,
Свои страдания унять.*

Вале же срочно пришлось покинуть свое местожительство, так как из школы ее все равно бы выгнали. Они быстро собрали какие-то вещички и уехали в Новосибирск, а оттуда уже в центральную Россию, в Воронежскую область к родителям мужа.

Там она и умерла от туберкулеза. Оказалось, что у мужа была открытая форма туберкулеза, но он пережил ее, а Валя, заразившись, «сгорела».

У них родился сын Юра, но мы о нем с 1932 по 1938 год ничего не знали. Потом Галя вздумала написать письмо в Воронежскую область, и Юра уже отозвался из Москвы. Сирота, он прожил очень трудную жизнь в юности. Приходилось бродяжничать, воровать, за что поплатился однажды свободой сроком на один год. Ему посчастливилось же-

ниться на порядочной девушке, с которой он и прожил всю свою жизнь. У них родилось два сына и дочь Наденька, очень похожая на бабушку Валю и внешне, и по характеру. Она и сейчас живет в Москве в квартире родителей. У нее очень хорошие дети: сын Саша и дочь Танюша. Они получили образование и работают по специальности. А Юра умер в 2005 году.

Зоя же в период раскулачивания в 1929 году покинула родное гнездо и уехала в Новосибирск, но папины родственники испугались дочери «кулака» и не приняли ее. Хорошо, что мама дала ей в дорогу несколько золотых монет, которые Зоя сдала. Покинув родные места, она уехала в Таджикистан, чтобы там ее никто не увидел и не узнал. Работала она и штукатуром, и каменщиком, и прислугой, но помогла ей грамотность. Она окончила 7 классов в Кыштовке, это уже что-то значило. Она стала в ауле учительницей начальной школы, а потом заочно окончила педучилище и проработала в школе всю свою жизнь до выхода на пенсию.

В Шахристане она вышла замуж, родила дочь Ларочку, которая в 16 лет умерла от диабета. Мужа Виктора в 1941 году забрали на фронт. В их части солдаты заболели тифом. Заразился и он. Умер в госпитале.

Зоя вышла второй раз замуж за вернувшегося по ранению фронтовика Ивана Скоропис. Прожили они долго и счастливо. Детей у них не было. Жили они уже не в Таджикистане, а в Киргизии, где Ваня работал секретарем райкома партии. Зоя умерла на 95-м году жизни, а Ваня умер в 83 года.

Мамочка по-прежнему содержала столовую. В это время все еще продолжался НЭП. Нашу семью

очень любил, питавшийся у нас, работник исполкома Мамышев Николай. Он маму убеждал, чтобы она быстро все бросала и с семьей перебиралась куда-нибудь подальше от родных мест. Просил даже оставить меня ему, так как своих детей у него не было. Но мамочка этого сделать не смогла. Как же все бросить? Как бросить нажитое своим трудом?

И дождалась.... Пришел человек власти с понятиями: все описали и выгнали из родного гнезда, поселив нас у малозажиточных знакомых Ереминых.

У них была большая семья: родители, бабушка и пятеро детей, а тут еще прибавилось и наша семья.

У русской печи хлопотали две хозяйки со слезами на глазах, а орава ребятишек нетерпеливо ждала завтрака. На завтрак чаще всего были блины, так как у Ереминых в запаснике еще оставалась мука. Перед провозглашением НЭПа их отец надумал открыть пекарню и стряпать в ней пряники с каким-то розовым покрытием. Но только наладил производство – его и раскулачили. Пекарню разорили, корову и двух свиней угнали в колхоз, а детвору оставили нищенствовать. Всех тяжелей эту драму переживали бабушки. И мама уговаривала бабоньку Дарью уехать к сестрам в Новосибирск, но она твердо заявила, что нас не оставит и всю участь разделит вместе с нами.

Возможно, она хорошо учла урок Зои: вдруг ее там не примут?

3. Нарым

Лобанова Анисья Николаевна

Родилась в 1892 г., с. Венгерово, Томская губ.; русская; образование среднее; б/п. В 1931 по Постановлению СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930 выслана в Нарымский окр. на поселение.

*("Жертвы политического террора в СССР";
УВД Томской обл.)*

Прожили мы у Ереминых всю зиму, а в мае и их, и нас, с уздами и мешками погрузили на телеги и увезли на пристань. Я помню сплошной рев провожающих нас людей, да заварные калачи, которыми нас они угощали. Этот вкус я помню до сих пор. Провожающих окриками отгоняли «полицаи», но люди напором добирались до телег.

Я помню те трюмы, в которые нас грузили!!! Вонь! Грязь! Духота! Помню, как нам подавали какие-то лепешки сердобольные люди, толпившееся на берегу во время причаливания барж. Помню, как все мы валялись на полу, как нас заедали комары, клопы и тараканы.

Ехали мы так все лето по реке Обь до Каргаска, расположенного у самого устья реки Васюган.

По дороге многие умирали и их выбрасывали прямо на берег, а если было далеко до ближайшего селения, то в реку. В Каргаске всех оставшихся в живых переписали, пересадили в мелководные баржи, и потянули нас пароходом «дедушка» по черной воде реки Васюган. Так мы ехали до сере-

дины августа, и, наконец, причалили к пустынному берегу, заросшему густым тальником.

Сколько было слез!!!

Кругом тайга, дремучий лес и мы. Пароход быстро отчалил от берега и поплыл обратно, а люди остались на съедение комарам.

Что делать? Скоро ночь. Как ночевать? Где? Раздумывать было некогда. У кого какие были захвачены инструменты – все пошли в ход. Стали вдоль берега строить шалаши, одной стороной упиравшиеся в берег. Ночью перед каждым шалашом горел костер, чтобы дым отпугивал комаров.

Мама вкапывала столбики, а мы таскали хворост, рвали траву, чтобы как-нибудь покрыть сверху. Вместо кроватей из дерна сделали возвышение и прежде всего на него уложили бабоньку. Она в дороге сильно заболела, ведь ей было уже 78 лет! Она не дожила даже до первого зимнего заморозка. Ее заедали вши, и мама ничего не могла поделать. Я помню ее шерстяные носки, в которых мы искали и били вшей. А они откуда-то ползли и ползли. Так в шалаше бабонька и умерла.

Бабуся! Милая бабуся!

От горя умерла, покинув нас.

На Васюганье том, в болоте топком

Она пополнила природный газ.

Питались все дарами природы: клюквой, еще сохранившейся голубикой. Грибов было в изобилии, а в кедраче – шишки, за которыми смело лазил Минька. Но они надоели потом так, что на них и смотреть не хотелось – полное отвращение.

Наступали холодные вечерние туманы, заморозки, и многие, особенно молодежь, бежали через болота, но выбраться удавалось немногим. Люди тонули, обессиленные гибли на ходу, проваливались в болотную топь.

Старшее же поколение поняло, что надо как-то обустраиваться: не на курорт приехали.

*И смекнул народ-кулак: не в гости, зная, приехали.
Строить стал избушки он, обносить завалинкой.
И в честь «великого» вождя
Назвал поселок Сталинкой.*

Застучали топоры, завизжали пилы. Инструментов не хватало, и люди выручали друг друга, скооперировавшись.

*Холод, изморось и вши,
Мрут старики и малые детишки.
Кругом болота – хоть куда беги,
Не убежишь – набьешь лишь шишки.*

Мамочка и Еремин Епифан Иванович с тетей Любой из осиновых бревен стали строить избушку, ребяташки таскали мох, собирали щепки, подавали инструменты. Избушка получилась низенькая и продолговатая, а вокруг стен тянулись сплошные нары. В левой стороне от дверей расположилась семья Ереминых. Их было, мне помнится, восемь человек и нас четверо. Из глины сбили печку, на которой стоял, каким-то чудом привезенный, чугунок с заваркой. Это на крутом кипятке заваренная черная тра-

ва, которую выдавали по 200-300 грамм на человека. За порядком следил комендант, которого боялись как огня.

*С нагайкой ходит комендант.
По службе рьяный он педант,
Чуть что запишет в черный список,
И не получишь заварухи миску.*

Помню, что каждый день кого-нибудь хоронили.

*Плач детворы, стон стариков
Был слышен вперемешку с шумами природы.
Такой симфонии никто не написал
И не напишет сроду.*

В нашей семье первой заболела я. У меня вначале открылся страшный понос, а потом развился рахит. Тоненькие ножки не могли поднять мой огромный живот, стали тоненькими руки, которые мамочка молча обмывала слезами. Но ведь я выжила! И вот уже 93-й год. Видимо все-таки помогли природные витамины.

Минька заболел туляремией. Опухло все лицо, а из шишек по щекам тек гной. Какой же мамочка была предусмотрительной, захватив с собой йод. Видимо, кто-то ее предупредил. Галю и Ваню уже заставили трудиться. Гале было 14 лет, а Мише – 10. Было открыто промышленное предприятие, в котором в больших баках стали гнать пихтовое масло. Так вот они по колено в воде ломали пихтовые

ветви (лапы), огромными мешками и связками подтаскивали их к чанам. Домой приходили уставшие и мокрые. Необходимо было выполнить норму, иначе лишались 300 грамм муки. Ночью сушились у костров и у печки, а утром вновь шли работать. Собирал на работу комендант. Его окрики, удары бича наводили на меня страх и ужас, и я пряталась под одеяло. Он гнал людей на работу как стадо коров.

Дети 10-16 годков

Ломать и в дожде, и в холод, и в мороз

Должны были пихтовые лапы:

Масло пихтовое от нас везли куда-то.

Взрослые все корчевали на возвышениях лес, освобождая место под огороды. Трудолюбивые люди, потому что они были «кулаками», понимали, что манна с небес не упадет, а, значит надо о себе самим думать. Люди не согнулись. Нет!!! Трудиться все привыкли с детства.

У нас копать лопатой может только мать:

Отец расстрелян – враг народа.

Над нами сосны ветками шумят

И бушует непогода.

Я славлю мать свою!

С тремя детьми в той страшной жизни

Она сумела выжить, нас поднять,

Свои страдания скрывая.

Так мы прожили пять лет, а потом стали для детей поселенцев открывать школы. Ведь таких по-

селений, как наша Сталинка, было еще много в Парабельском и Каргасокском районах.

Грамотной в Сталинке оказалась только мама. И она была назначена учительницей. Не так давно я встретила ее первых учениц: Смирнову Валю и Куриловскую Машу. Теперь они престарелые люди, они едва ходят, но помнят все прекрасно. С каким теплом они вспоминают нашу любимую мамочку. Оказывается, и там она могла шуткой, песней, сказкой делать лучше их нелегкую жизнь.

Жизнь наша улучшилась. В построенной школе выделили комнатку для нашей семьи, увеличили паек и для мамы, и для нас. Так началось наше «счастливое» детство.

За успехи в работе маму перевели работать в поселок Новая Жизнь, где школа была больше и благоустроеннее. Это было недалеко от старинного села Средний Васюган, а впоследствии маму назначили преподавателем математики в неполную среднюю школу, то есть семилетку. Тут уж нам выделили настоящую избушку. Это была уже другая жизнь.

4. Свобода!

*39-ый год! Свобода!
И комендатуры нет!
Ехать можешь ты куда угодно
Лишь положи в карман свой Сталина портрет.*

*Он, как икона, был повсюду с нами.
Его, как Бога, почитали все.
Кто знал, что в этом человеке
Не вождь, а зло по всей земле.*

Годы шли, мы выросли. Минька закончил семь классов, и мама отправила его учиться в среднюю школу села Новый Васюган, что за сотню верст от Среднего Васюгана.

Парнем он был умным, начитанным и смелым. Рано влюбился. Решил он как-то своей возлюбленной сделать подарок. А что дарить? Тайно взял у Гали новые чулки и был таков. Шуму потом в доме было много.

Учился он отлично. Однажды на уроке литературы преподаватель допустила какую-то ошибку, а он не выдержал и исправил ее. Она рассердилась и выгнала его из класса. Отчаянный, он выпустил ей вслед мат и был за это исключен из школы.

Тысячу километров он добирался домой то пешком, то с попутчиками на лошадях. Вернулся домой весь измученный, голодный, похудевший и с уже выросшими усами.

Школу он потом закончил заочно, конечно, благодаря маме. Ее-то очень ценили на работе, переживали вместе с ней и старались помочь.

А Галя стала работать после окончания семи классов и курсов наблюдателем на метеостанции.

Вот и я с отличием закончила семь классов, и надо было продолжать получать образование, получить специальность. Мама решила, что я тоже должна стать учителем, переписав мое заявление в Омское театральное училище на заявление в Томское педагогическое.

5. Учеба в Томске

Мне 13 лет, и я уезжаю за тысячу километров от родных мне, горячо любимых людей. Одна, совершенно незнакомый город, робкая, маленькая, тонюсенькая. Как говорили, в чем только душа держится.

Жила вначале один месяц у знакомых по Васюгану сестер Ани и Нины Луговских, подруг Гали, а потом в общежитии на Крылова, 12. Это было деревянное здание. В комнате жили по 10-12 человек. Стол всегда приходилось очищать от лука, от хлебных крошек, чтобы сесть и позаниматься.

Училась я прилежно и имя мое не сходило с доски почета, так как я была воспитана в труде и была хоть девчонкой боевой, но старательной. Я всегда думала, что хоть и нахожусь за тысячу километров от родного дома, но всегда под строгим оком моей мамочки.

За все свои поступки я мысленно отчитывалась ей и лишь однажды провинилась. Все коллективно ушли в театр, а у меня не было денег. Собралось нас таких три девчонки и один парень – Эдька. Он принес бутылку красного вина, и нас в комнате застучала уборщица. На следующее утро нас всех вызвали к директору, а любимая классная руководительница Лариса Николаевна пострашала меня письмом к маме. Как я ее умоляла не делать этого, каких только не давала ей обещаний, и она поверила мне. Это был мне урок на всю жизнь.

А вот Минька был не из таких. Учиться он приехал в мукомольно-элеваторный техникум. Я до сих пор, проезжая мимо строительного института, заглядываю в окно комнаты, в которой он жил.

Проучился он один год, и, никому ничего не сказав, уехал к Зое в Таджикистан. Думаю, что он скрывался, что-то опять натворив. Но тайны этой никто не выдал.

Шел 1941 год, началась Великая Отечественная война.

Господи! Какой это был холодный и голодный год. В магазине сразу все исчезло, хлеб стали выдавать по карточкам. Вначале по 400 грамм, потом по 300, а впоследствии мы должны были его зарабатывать в совхозе, работая в парниках.

В нашем училище разместили госпиталь, а нас, тех, кто остался, переселили в ближайший Степановский совхоз, в маленькое деревянное здание, именовавшееся начальной школой. Мы жили внизу, а наверху располагались четыре класса школы.

Утром мы были на занятиях, а во вторую смену учились малыши. После обеда мы все уходили работать в парники. Как же это было невыносимо тяжело! Полуголодные, в валенках, мы выгребали мокрый снег и вместо него высыпали, принесенную в мешках, землю. Сейчас я уже не представляю, как это нам удавалось в сырых валенках переставлять уставшие ноги. Я такого не видела ни в одном кинофильме. Усталые, едва переставляя ноги, мы тащились домой, а толком просушиться было негде. Мучил и голод, и холод, и безденежье, и усталость. Выдерживали немногие.

Спасибо моей подружке Танечке Куршевой, которая жила в Предтеченске, рядом, почти в двух километрах, от училища. Каждый выходной по шпалам мы ходили к ее родителям. Там нас угощали картошкой, капустой, редькой, да и еще давали с

собой. Нас в воскресенье вечером или ранним утром в понедельник ждала вся комната. Как же! Ведь будут гостинцы!

Каждое начало месяца я получала от мамоньки перевод – 100 рублей.

И вот однажды, получив извещение, я собралась и пошла в город на главпочтамт получать деньги. Выходило так, что в парниках у меня был прогул. Меня за это на неделю лишили хлебной пайки, вызвали на бюро комсомольской организации и решали вопрос об исключении меня из комсомола. А я так трепетно относилась к тому, что была комсомолкой, что как и все я уже не дочь врага народа, а полноправный член советского общества. Я скрыла при вступлении в комсомол, что мой отец – враг народа, и везде указывала, что я из семьи зажиточных крестьян. Спасла меня отличная успеваемость и систематическое выполнение нормы на работе в парниках. На бюро присутствовал управляющий совхоза товарищ Болтовский. Я уже и забыла его имя. Он был безжалостен и даже свиреп. И вот однажды уже в 70-м году я его встретила в троллейбусе и, разозлившись, при всех, я высказала ему свою обиду. Народ весь притих и слушал.

Моему счастью в дружбе с Танюшей тоже пришел конец. Она была старше меня, ее вызвали в военкомат и призвали в армию. Как я просила военкома взять и меня, но он сослался на мой юный возраст, похлопал меня по-отечески по плечу и тепло так произнес: «Успеешь, дорогая, успеешь». Расставались мы с Танюшей с горючими слезами.

От мамочки не стало ни вестей, ни переводов. В чем же дело? И получаю от сестры Гали письмо.

Господи! Никому ничего нельзя рассказать, ни с кем поделиться своим горем. Мамочку арестовали и осудили по 58-ой политической статье, приговорили 10 лет тюремного заключения.

Лобанова Анисья Николаевна

Родилась в 1892 г., с. Венгерово, Томская губ.; русская; образование среднее; б/п. Проживала в с. Средний Васюган Парабельского района, работала учительницей в средней школе. Арестована 14 мая 1942 г. Приговорена: 26 сентября 1942 г., обв.: ст.58-02, КРД. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирована в июне 1992 г.

(Источник: Книга памяти Томской обл.)

Плакала я в свой кулачок, безмолвствовала и не знала, что со мной будет дальше.

А уже шли последние экзамены, я заканчивала педучилище и получила направление на работу в Кемеровскую область, тогда она, как и Томск входила в состав Новосибирской области.

6. ЯШКИНО

Домой за вещами ехать не разрешалось, так как весь транспорт был занят мобилизацией на фронт. А я совершенно раздета. Все было уже изношено в парниках, кроме белого платья в крупный черный горох и драных туфелек. Благо, что при выпуске за хорошую работу в парниках меня премировали босоножками. Это резиновая без каблуков подошва, а сверху матерчатая синяя ленточка в один ряд. Радости не было предела!

Приехала я в Яшкинский район с одной сумочкой и драным чемоданчиком. В нем было мое зимнее пальтишко, которое когда-то носила Галя, с уже потертым воротником из искусственного меха, тапочки и два платьишка: одно праздничное, а другое рабочее, видавшее виды.

В 16 лет меня назначили заведующей начальной школы с двумя престарелыми учителями. Школа – это обыкновенный деревенский дом с двумя комнатами-классами, с печным отоплением, со сторожем, одновременно служившим истопником.

Дров к зиме еще не было заготовлено. Председатель колхоза Мартемьян Яковлевич дал запряженную в телегу лошадь и сказал: «Михайловна, рабочих нет, выходи из положения, как хочешь». Взяла я двух старших ребят, и мы поехали в лес, где уже и заготовили дрова. Клячонка наша воз едва-едва тащила, и застряли мы в грязной глубокой луже. Уж мы этот воз толкали-толкали, но сдвинуть с места не могли. Вася Котов предложил все дрова сгрузить и вытащить сначала телегу. Так мы и сделали. Пустую телегу лошаденка вытащила, мы погрузили дрова и домой приехали уже поздно вече-

ром. Уставшие и голодные, а дома-то ни у кого и поесть-то ничего, как следует, не было. Выручили овощи, которые были у ребят, и моя заваруха из овсяной муки, которую выдавали по четыре килограмма вместе с хлопьями на 10 дней.

Осень развезла все дороги и тропинки. В чем же пойти утром в такую слякоть на работу? Я торопилась выйти как можно раньше утром, пока лужи были покрыты ледяной коркой, и нога не проваливалась в грязь.

Однажды вышла пораньше, как и всегда, чтобы успеть пройти по еще замерзшей грязи. Но провалилась. Тесемка босоножки осталась на ноге, а подошва увязла в грязи. Сколько было слез! Плачу, а сторож взял, вымытую мной подошву и пришил ее до начала занятий. Счастье было неопишное! Мне вообще везло на встречи с хорошими людьми, у которых я старалась всему учиться.

В деревне меня поселили в доме прелестной женщины, муж которой был на фронте. У нее было двое детей. Вот и жили мы вместе. Я была и няней, и домохозяйкой, а она работала на скотоводческой ферме. Ее звали Ганя, Царствие ей Небесное. Она оказалась доброй женщиной, и я за работу в доме награждалась овощами и одним литром обрат (молоко после удаления жиров), принесенного с колхозной фермы. Поэтому голода, как такового, я не испытывала. Ганя часто ездила в Юргу за просяными хлопьями, которые мешала с мукой и пекла хлеб, и мне доставался кусочек.

Зарплата моя составляла 90 рублей, из которых половина уходила на облигации и подарки фронтовикам. Не отдавать этого – быть изменником Родины.

Однажды я натерпелась страха. В деревню приехал сборщик денег на облигации. Вызвали в помощь, конечно, учителя. Заполняю листки учета и расписываюсь – Лобанова. Ловлю на себе его испытывающий взгляд и слышу вопрос: «Вы не из Кыштовки?». У меня сердце в пятки. «Вы не Михаила Ермиловича и Анисьи Николаевны дочь?» - спрашивает он. Что говорить? Скрывать бесполезно, тем более человеку в военной форме. Я утвердительно ответила ему. «Да, помню, как ваша мама выбросила на дорогу мой недошитый костюм, помню, как выселили из дома. Как Вам нравится настоящее житье-бытье?». Я не растерялась и ответила, что я прежнего не помню, а настоящее меня устраивает. «Если нужна будет моя помощь, обращайтесь, я работаю с милиции» - сказал он с какой-то непонятной интонацией. Он уехал, а я не находила себе места. Но, Слава Богу, он больше не давал о себе знать.

7. Мамочка

Я же собралась на весенних каникулах ехать в Томск, чтобы навестить маму. Боялась, что на поезд не смогу достать билета, но к своему «доброжелателю» обращаться не стала. На последние гроши купила у колхозницы горшочек топленого масла, булку хлеба, испеченного напополам с травой, надела зимнее пальто, старые-престарые валенки, хозяйка дала мне платок, и отправилась я в Яшкино пешком за шесть километров на станцию. Билет купила с рук, так как в кассе их уже не было.

В Томске тепло, текут ручьи, а я шлепаю в валенках и в зимнем пальто.

Прошло столько лет, а я как сейчас, помню, как подошла к тюремному справочному окошечку с синей тряпичной сумочкой в руках, вся в слезах.

Эта тюрьма и сейчас ежедневно напоминает мне об этом, так как я вижу ее из окон своей квартиры. Сердце щемит, так и хочется хоть горсточку взять той земли, по которой ходила милая мамочка и облить ее слезами.

В окошечке дежурный нехотя порылся в истрепанном журнале и сообщил, что Лобанову Анисью Николаевну перевели на постоянное десятилетнее отбывание в тюрьму №4, которая расположена около вокзала Томск-1.

Я опять, пешком (транспорта тогда в городе никакого не было), отправилась в обратном направлении, обессиленная от слез, которые рекой текли из моих глаз.

Вот и сейчас, вспоминая это, я не могу сдерживать слез. Путь от Томска II до Томска I немалень-

кий, а я уже вся измокла и пропиталась весенней сыростью.

Спешу, чтобы не опоздать на поезд в обратный путь. Подхожу опять к окошечку, опять дежурный роется в журнале, потом смотрит молча на меня, видно, что очень стало ему меня жаль и почти шепотом мне говорит: «Умерла твоя мать 25 января 1943 года».

Невозможно описать, что творилось у меня в душе. Рекой текут слезы. Я так обессилела, что не могла сдвинуться с места. Про себя прошептала: «Господи, помоги мне!». Жизнь в деревне как-то сблизила меня с Богом, да и бабонька учила нас ему молиться.

Медленно направилась я к выходу, проплакала всю дорогу, ведь дома-то тоже надо было держаться, надо хранить все в тайне. Поделиться не с кем, не к кому приклонить голову.

Галя в Васюгане, ее уволили с работы, так как дочери врагов народа нельзя работать на «секретном» предприятии. Минька разведчиком защищает Москву от немецких захватчиков.

Зоя далеко, да и переписки у нас с ней не было. Она перед раскулачиванием тайно уехала из дома и о себе ничего не давала знать: боялась, что люди узнают ее биографию. Так продолжалось еще десять с лишним лет. Мы все думали, что ее уже нет в живых. Оказалось, что она спряталась в Средней Азии в с.Шахристан и боялась, что ее, дочь кулаков, найдут и там. В 1940-м году вдруг получаем телеграмму (адрес она узнала у родственников в Новосибирске): «Встречайте. Зоя. Катер «Нарым». Мама чуть в обморок не упала. В это время мы уже были сняты с учета в комендатуре, а я приехала по-

сле первого курса на каникулы погостить с отличным табелем успеваемости и кудрями на голове. «Рано, доченька, взрослоешь» - сказала тогда мама.

Встреча с Зоей была необыкновенной. На берег высыпал весь народ: молва раскатилась быстро. Все наблюдали, как семья Лобановых встречает своих родственников. Зоя приехала со своим мужем Виктором и дочерью Ларочкой. Навезли подарков, продуктов, застолье было таким, как когда-то в Кыштовке.

Когда маму арестовали, все ее подарки конфисковали: два стяженных одеяла, подушки, скатерти, все пальто, даже мои платья и костюм, которые мама купила у ссыльных эстонцев.

Никто не знал, что в кованом сундуке у мамы под замком, хранилось золотишко, захваченное с собой еще из Кыштовки при раскулачивании. Вот почему мама никому не разрешала заглядывать в этот сундук и всегда закрывала его на замок.

При аресте в сундук заглянула «тройка», и все золото было изъято. Это четыре монеты по 10 и 5 рублей, два перстня, три золотых кольца, золотой браслет, золотая брошь (ее сняли прямо с груди у Гали), золотые серьги с подвесками, серебряные монеты и даже бумажные деньги – 80 рублей. За все это в 1996 году я получила семь миллионов рублей. Это сейчас – семь тысяч рублей. В эту компенсацию вошли и дом, и надворные постройки, и с/х машины, и скот. Остались у меня только документы.

Так за что же все-таки осудили маму? Мама должна была давать открытый урок, дома приготовила наглядные пособия. В школе не было ни плакатов, ни карт, ни счет – ничего. Мама для знаком-

ства учеников с «тысячей» приготвила такие пособия: на вязальные иглы нанизала пластики сырого картофеля по 10 штук. Пока ходила в учительскую за хорошим мелом, ученик из детского дома съел сырой картофель на нескольких иголках. Можно представить состояние учителя, когда надо давать открытый урок, а наглядных пособий нет. Мама сказала: «Ну, если ты такой голодный, приходи ко мне, я тебе целое ведро картошки дам». В это время по коридору проходил завхоз-стукач. И этого было достаточно, чтобы обвинить маму в нелюбви к советской власти.

Материал обвинения я читала в 1999 году, когда сделали свободный доступ к документам реабилитированных. Доносчиков в школе было еще несколько человек: учительница начальных классов Дмитриева, которая ревновала Гаю к своему мужу, и преподаватель русского языка (не помню его фамилию), я как раз училась у него.

Из семьи Лобановых осталась я одна. Зоя с Ваней умерли в Киргизии. Я от наследства отказалась, так как поехать ухаживать за ними я не могла, за ними ухаживала соседка, и я все отдала им.

Галя тоже умерла уже в Новосибирске. После окончания войны она переехала в Томск, а потом к Люсе в Новосибирск.

Минька ушел в разведку и не вернулся. Считается без вести пропавшим. Друг его потом приезжал к Зое и сказал, что тело его не нашли. Видимо прах его покоится где-то в Подмосковье.

А я вот еще живу до сих пор.

8. Моя семья

Из деревни Поляково через три года меня перевели в Яшкинский РАЙОНО инспектором по школам. В 1946 году после окончания войны я переехала в Томск и жила вместе с Галей. Она в это время уже развелась со своим мужем Тюниным Василием.

В Васюгане, где они поженились, они были парой: он молодой и красивый, а она из хорошей семьи с уже появившимся достатком. Но потом их несовместимость стала более очевидной, и они расстались.

Так вот я переехала к ней, а потом мне выделили комнату в школе, в которой я работала учителем начальных классов.

Проводила я часто открытые уроки в масштабе школы, города и области. Меня заметили и перевели работать в третью мужскую школу учителем русского языка в 5-7 классах.

Тогда еще девятилетки не было. В пединститут дочь врага народа не приняли, но я туда и не стремилась, одолевала бедность. Приходилось работать не только в две, но и в три смены. Была активной комсомолкой.

В 1949 году вышла замуж за студента второго курса мединститута. Мне было уже 24 года, а женихов, вернувшихся с фронта было раз-два и обчелся. Встречает меня как-то инспектор ОблОНО Колгошкина Зинаида Павловна и отчитывает, пугает, что он закончит институт и бросит меня. Но мой брак оказался счастливым.

Подкопаев Николай Тимофеевич оказался очень серьезным парнем. Он учился и работал медбратом в больнице водного транспорта, по ночам разгружал вагоны с лесом, занимался частной практикой. Ведь у нас после 10 месяцев совместной жизни родился сын Сережа. Его одевала и кормила вся Колина институтская группа.

Коля был на четыре года старше меня, вернулся с фронта. Угнетало его то, что был в плену, это в то время, мягко сказать, не приветствовалось. Вот и сошлись мы: он побывавший в плену, а я дочь кулака.

После окончания института он по распределению попал в больницу водного транспорта в поселок Моряковка, где потом стал главным врачом, а я завучем школы. Там мы прожили 11 лет, и его в 1965 году перевели главным врачом в томскую линейную больницу.

В Моряковке в 1955 году у нас родился второй сын, он очень был похож с пеленок на папу. Так и называли его в больнице – Николай Николаевич.

Оба сына получили высшее образование. Сергей – врач, закончил Томский медицинский институт. А Николай – инженер, работает на манометровом заводе начальником коммерческой службы. Они дружны, все встречаются у меня.

Первые семьи у них не сложились.

Сережа очень любит свою дочь Катю, да и с женой он отношения не потерял. У него уже три внуки: Ксюшенька, Сонечка и Машенька; и внук Матвейчик.

Коля женат во второй раз. Первый брак был неудачным. Дочери его, Наталья и Оля, стали юристами.

Люсенька, дочь моей сестры Гали, закончила томский государственный университет и получила направление на один из заводов в Новосибирске. Там она вышла замуж. У них родилось два сына – Юра и Петя. Им была нужна помощница, поэтому Галя переехала к ним в Новосибирск.

Сыновья Люси закончили вузы и оба покинули пределы России. Юра занимается научной деятельностью в Америке, а Петя работает в Канаде.

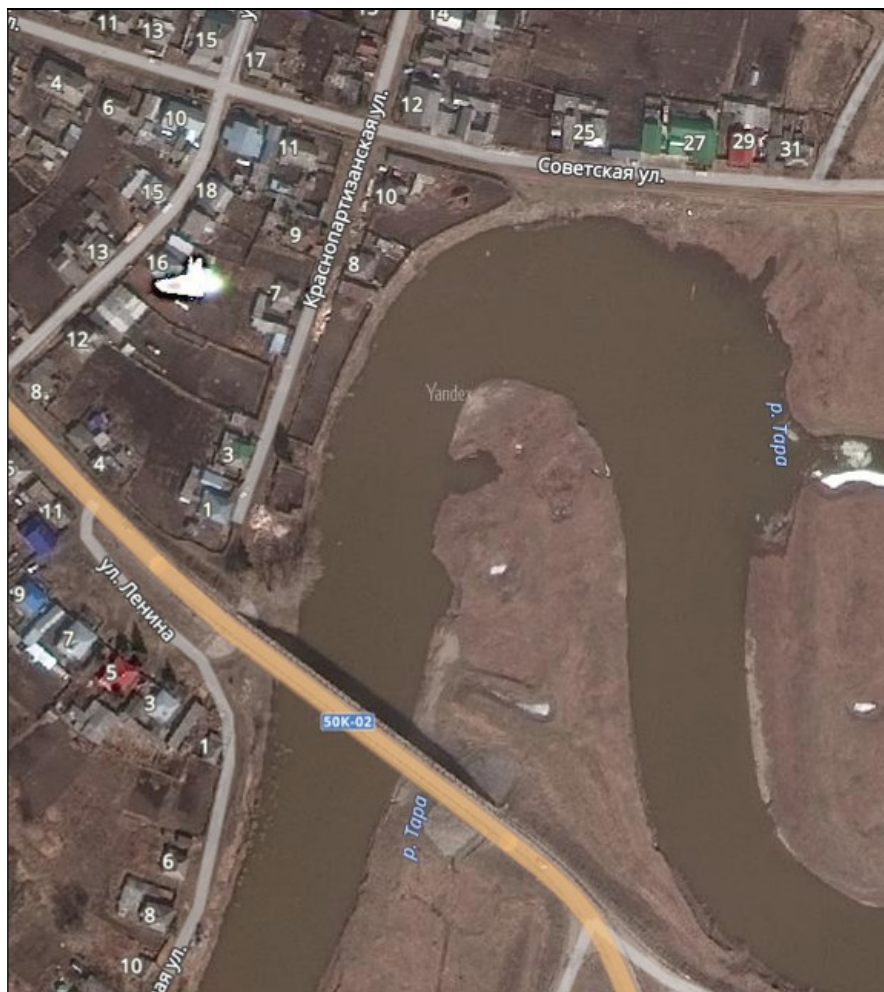
У Юры с Кирой родился сын Максимушка. Люся в нем души не чает. Любит его до слез.

В 2016 году она уехала в Америку насовсем. И теперь мы разговариваем только по телефону.

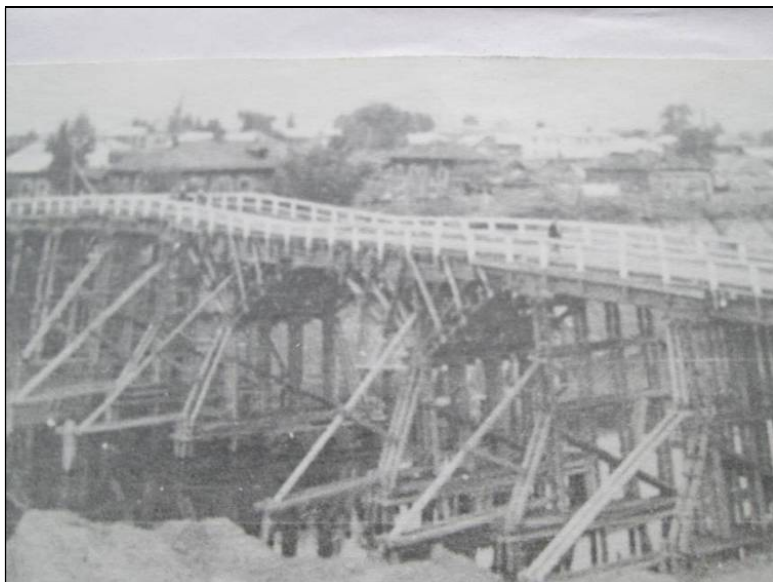
Люблю всех!!!

Ваша мать, свекровь, тетя, бабушка и прабабушка.

Приложение

Кыштовка, ул.Лобановская (Краснопартизанская)

Кыштовка, мост через реку Тара

Кыштовка, река Тара вышла из берегов

Улица Кыштовки

Счастливое детство(Миша, я, Галя)

*Мамочка, Галя, Миша, лелька (Даша)
и Лидуська (так звали меня все)*

Бабонька с подругой и родственницей т.Хиной (Хаония)

*Бабонька, папа, дедонька, лелька, Зоя, Миша, т.Надя (мамина сестра)
Дедонька – это папин дед Лобанов Яков Ермилович. Он был родом из
Якутии, работал на золотых приисках, потом переехал в Кыштовку*

Зоя, Лелька, и Галя

Баржа спецпереселенцев

Пароход «дедушка»

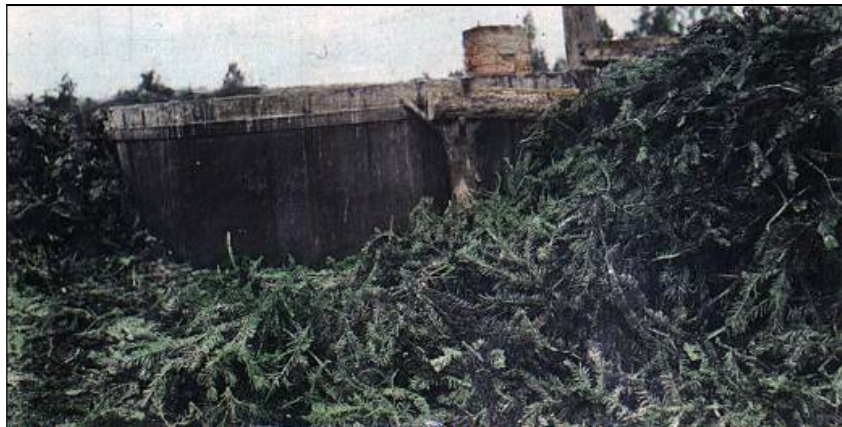
Река Васюган

Примерное место п. Сталинка

Строительство временных землянок

Пихтовые лапы

Пихтовый завод

Строительство поселков

Школа для детей спецпереселенцев

*Мамочка в учительском коллективе
(первая справа в нижнем ряду)*

Во время учебы в педучилище

Муж Зои(Виктор), друг брата, брат Миша(Минька)

Сестра Валя с мужем Николаем

Сестра Зоя с мужем Иваном

Сестра Галя

Муж Николай

Муж Николай на майской демонстрации в Моряковке

Проводы на пенсию

Племянница Люся

Мне 90 лет

Подкопаева Лидия Михайловна

Судьба семьи Лобановых

Формат 148x210 (А5). Печ.л. 54
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 10 экз.